

ГЛАВА 6

Вернувшись в Королевский дворец Шан, Инь Шоу распорядился, чтобы слуги проводили Дацзи отдыхать. Сам же он велел подать воды и с наслаждением смыл с себя дорожную пыль. После омовения к нему вернулась былая бодрость.

Плотно пообедав, Великий Ван почувствовал непреодолимое желание прилечь. Поглаживая живот, он невольно задумался о том, насколько порочным стал его нынешний образ жизни. Неужели роскошь и нега уже начали разъедать его сердце, привыкшее к простоте? Будь он обычным человеком, в таком потакании своим слабостям не было бы ничего дурного, но на плечах правителя всегда лежит груз ответственности.

«Эх...» — Инь Шоу ощутил, как тяжелеют мысли. Почему нельзя просто наслаждаться жизнью, пока государство не рухнуло? В конце концов, гибель династии предрешена, предавался он удовольствиям или нет. Смерть всё равно придёт за ним.

Так не лучше ли прожить оставшиеся дни в довольстве? Ну же, что в этом плохого?

С этими мятежными мыслями Инь Шоу забылся тяжёлым сном.

Ему снова снился двадцать первый век. Несмотря на изысканные яства, безграничную власть и красоту окружавших его женщин, он всей душой стремился назад, в цивилизованный мир. Ему хотелось быть обычным человеком, ухаживать за большими пандами и проживать дни, тихие и прозрачные, как вода. Лишь оказавшись в чужом теле, он по-настоящему осознал: истинное счастье — в простоте.

Проснулся Ван, когда на Чаогэ уже опустились сумерки. Некоторое время он сидел на постели, бессмысленно глядя в пустоту, затем поднялся, умылся и велел подать ужин. Дацзи, на удивление, не спешила тревожить его покой, чему Инь Шоу был только рад. Он сидел в одиночестве, поедая черешню прямо из миски. В его прошлой жизни такие ягоды считались роскошью, но для Чжоу-вана они были повседневной закуской. Инь Шоу жевал, то и дело кривясь: древние сорта заметно уступали плодам трудов современных селекционеров — и вкус не тот, и консистенция грубее.

Выспавшись днём, ночью он никак не мог сомкнуть глаз и решил прогуляться по Императорскому саду, подставив лицо прохладному ветерку. Тишину то и дело прорезали кошачьи крики, от которых по коже пробегал мороз. Пронзительные, похожие на плач брошенного младенца, они звучали по-настоящему жутко.

Слушая этот надрывный вой, Инь Шоу невольно подумал о питомцах. Кошки во дворце — дело обычное, многие наложницы их обожают. Но если есть кошки, почему бы не завести собак?

Прежний Чжоу-ван, помимо вина и женщин, не жаловал иных привязанностей, но Инь Шоу был другим — он искренне любил животных. К тому же, если в его покоях поселятся псы,

лисьему отродью в лице Дацзи будет не так-то просто к нему подступиться. Идеальный план.

Решив не откладывать дело в долгий ящик, на следующее утро он велел Фэй Ляню разыскать для него нескольких щенков.

Ю Хунь, всегда искавший случая выслужиться перед государем, едва услышав о новом капризе, тут же бросился на поиски. Удача улыбнулась ему быстро: в одном из домов как раз оценилась сука. Малышам едва исполнился месяц — пухлые, очаровательные комочки, они тут же были «реквизированы» для нужд короны.

Мать-собака оказалась свирепой. Когда Ю Хунь попытался забрать щенков, она едва не вцепилась ему в горло. Сопровождавшие вельможу стражники, не раздумывая, обнажили клинки. Один взмах — и сука замертво рухнула на землю, заливая двор кровью. Малыши, почуяв неладное, жалобно заскулили, глядя на мир перепуганными глазками. Хозяева дома, простые люди, в ужасе пали ниц, не смея даже пикнуть. Кто же знал, что обычное разведение собак обернётся такой бедой?

— По указу Великого Вана эта свора изымается, — провозгласил Ю Хунь, презрительно глядя на рыдающих бедняков. — Сопротивление карается смертью на месте!

Инь Шоу, разумеется, ничего подобного не приказывал.

— Слушаемся, господин, — дрожащим голосом ответил глава семейства.

Ю Хунь велел принести ящик, свалил туда щенков и приказал уносить. Со стороны это больше походило на бандитский налет, чем на выполнение монаршей воли.

Когда незваные гости скрылись, хозяин дома ещё долго не мог унять дрожь. Лишь убедившись, что опасность миновала, он вместе с родными поднялся с колен. Глядя на убитую собаку, люди бессильно глотали слезы, в душе проклиная жестокость правителя. О каком законе может идти речь, если в этой стране жизнь человека ценится не выше собачьей?

— Закопайте её... — махнул рукой старик.

***

Тем временем в королевском дворце Ю Хунь, сияя от счастья, едва ли не бегом направлялся к покоям господина. Следом, задыхаясь, поспевали двое стражников с тяжелым ящиком.

— Ве-ве-великий Ван! — вопил Ю Хунь, влетая в Императорский сад без всякого доклада.

Узнав, что государь прогуливается в компании Дацзи, вельможа поспешил прямо к ним. Инь

Шоу, как раз пытавшийся отделаться от очередных ласк наложницы, воспринял его появление как спасение.

— Смирно! — Инь Шоу сделал шаг вперед, с любопытством глядя на ящик.

Ю Хунь остановился, поправил одежду и церемонно поклонился:

— Нижайший слуга приветствует Великого Вана и госпожу Ниннян.

— Восстань, — бросил Инь Шоу. — К чему эта спешка?

— О, мой повелитель! — лицо Ю Хуня так и светилось гордостью. — Щенки, которых вы желали, доставлены!

— Неужели? — Инь Шоу заглянул в ящик.

Ю Хунь с торжественным видом откинул крышку. Пятеро пушистых малышей — белые, серые, золотисто-рыжие — испуганно выглядывали наружу. Круглые, мягкие, они были настолько милыми, что сердце Инь Шоу мгновенно растаяло. Он не удержался, протянул руку и погладил шелковистую шерстку. Выбрав самого белоснежного, Ван поднял его и принялся играть, позабыв обо всём на свете.

Дацзи, едва увидев псов, мгновенно переменялась в лице. Она опасно прищурилась. С чего бы это Вану вдруг вздумалось завести собак? Раньше он терпеть не мог подобную живность. В её душе вскипела ярость, перемешанная с тревогой: она холодно наблюдала за тем, как государь возится со щенком.

Ю Хунь, заметив радость правителя, решил раздуть свои «заслуги»:

— Пришлось попотеть, мой Ван! Эта тварь, их мать, была просто бешеной. Едва не отхватила мне кусок плоти — смотрите, какой шрам оставила! Благо стража не сплеховала: прирезали псину на месте, иначе бы не отбились...

Инь Шоу замер. Улыбка мгновенно сползла с его лица, сменившись выражением глубокого потрясения.

— Ты... что ты сказал? Ты убил мать?

— Ну да, прирезали, — Ю Хунь, почуяв неладное, тут же начал юлить. — Лютая была сука, бешеная... не убили бы — покалечила бы людей. Пришлось, Великий Ван, пришлось!

Инь Шоу накрыло тяжелой волной осознания. Он совсем забыл, что он здесь — абсолютный монарх. Любое его слово, брошенное вскользь, могло обернуться чьей-то смертью. Для прежнего Чжоу-вана человеческая жизнь ничего не стоила, что уж говорить о собаке? Но Инь Шоу физически ощутил вес своей власти. Живое существо погибло из-за его прихоти. Он не учел, что инстинкт защиты потомства у животных священен.

Казнить Ю Хуня за собаку он не мог — это было бы верхом безумия в глазах придворных. Оставалось лишь молча проглотить обиду и дать себе клятву впредь взвешивать каждое слово, чтобы не множить зло в этом и без того несчастном мире.

Ю Хунь, не понимая причины внезапной мрачности Чжоу-вана, заискивающе заглянул ему в глаза:

— Великий Ван, посмотрите, какие они славные!

— Несите их в мои покои, — отрезал Инь Шоу. Раз уж щенков забрали, он был обязан о них позаботиться.

Затем, поймав недоуменный взгляд слуг, он добавил:

— И запомните: мне нужны только эти. Больше никаких собак во дворец не таскать. Это ясно?

— Слушаемся, Великий Ван! — хором ответили слуги.

— Мой Ван... — Дацзи шагнула вперед, с брезгливостью покосившись на ящик. Она прижалась к плечу Инь Шоу, вкрадчиво воркуя: — Щенки, конечно, милы, но зачем же тащить их в опочивальню? От них же воняет...

— Не беспокойся, любимая, — Инь Шоу едва сдержал холодную усмешку. — Я велю их вымыть. Чистая собака не пахнет.

В душе он ликовал: «Воняет, говоришь? Вот именно от тебя я их и держу».

Не желая продолжать разговор, Ван велел уносить ящик и сам последовал за ним, прижимая к груди белого щенка.

Дацзи задыхнулась от гнева. Не смея выплеснуть ярость на Инь Шоу, она одарила Ю Хуня ледяным взглядом.

— Полюбуйтесь, что вы натворили! Великий Ван, правитель Поднебесной, сюсюкается с псами! Какое позорище!

— Ниннян... — Ю Хунь, только что гревшийся в лучах славы, теперь дрожал мелкой дрожью. Он понимал, что одно слово этой женщины может стоить ему головы. — Помилуйте... Ван приказал — слуга исполнил. К тому же, это всего лишь щенки, не соперницы же вам...

— Молчать! — взвизгнула Дацзи.

Ю Хунь рухнул на колени, вжимаясь лбом в землю:

— Пощадите! Виноват, язык мой — враг мой! Казните, но пощадите!

— Ещё раз посмеешь сравнить меня с собакой — заживо шкуру спущу! — прошипела она.

Ю Хуня прошиб холодный пот. Он вспомнил слухи о человеческой коже, которой Дацзи обтягивала барабаны для своих забав, и едва не лишился чувств от ужаса.

Ниннян презрительно фыркнула и, круто развернувшись, направилась к своему дворцу.

Лишь спустя добрую четверть часа Ю Хунь нашел в себе силы подняться. Земля под ним была мокрой от пота. Высоко в небе палило июньское солнце, но вельможу трясло, словно в лютую стужу. Это был не озноб от болезни — это была первобытная жажда крови, исходившая от Дацзи, которая заморозила саму его душу.

***

Вернувшись в свои покои, Дацзи дала волю ярости. Она крушила всё на своём пути: драгоценные вазы разлетались вдребезги, свитки рвались в клочья. Когда под руку попался неудачливый слуга, Ниннян, не глядя, вцепилась ему в горло. Хруст — и шея несчастного была сломана. Она отшвырнула бездыханное тело, словно кучу грязного тряпья. Остальные придворные в ужасе забились по углам, боясь дышать.

Её душила ярость. С каких это пор паршивые щенки стали для Вана дороже, чем она?

Чжоу-ван изменился. Он ускользал из-под её власти.

«Как он смеет... Как он смеет!» — Дацзи оскалилась в жуткой улыбке. В её глазах заплясали искры демонического коварства.

В этом теле не было места доброте. Синьюэ Ху не был милосердным лисом — иначе бы он не превратил Чжоу-вана в безумного тирана.

Его долг — разрушить эту империю. Такова была воля богини Нюйвы. И Синьюэ Ху исполнит

её до конца.

<http://bllate.org/book/17393/1653697>